

Одно лишь искусство существует —
искусство хорошо жить и хорошо умереть

Эпикур

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПУБЛИЙ АВРЕЛИЙ СТАЦИЙ, римский сенатор
КАСТОР и ПАРИС, вольноотпущенники Публия
Аврелия
ПОМПОНИЯ и ТИТ СЕРВИЛИЙ, друзья Публия
Аврелия
СЕРГИЙ МАВРИК, адвокат
СЕРГИЯ, сестра Маврика
НИССА, актриса мимического театра
ФЛАМИНИЯ, римская матрона
АВФИДИЙ, ланиста — управляющий гладиатор-
ской школой
ХЕЛИДОНИЙ, римский гладиатор
ТУРИЙ, друг Хелидония
ГЕЛИОДОР, сицилийский гладиатор
ГАЛЛИК, кельтский гладиатор
ГЕРАКЛ, сарматский гладиатор
АРДУИНА, женщина-гладиатор из Британии
КВАДРАТ, противник Хелидония
ХРИСИПП, врач

I

РИМ, 798 ГОД AB URBE CONDITA¹ (45 ГОД, ЛЕТО)

НАКАНУНЕ ИЮНЬСКИХ КАЛЕНД²

Мрачный и недовольный, сенатор Публий Аврелий Стаций сидел на крытой трибуне за императорской ложей рядом со своим другом патрицием Титом Сервилием.

Амфитеатр Статилия Тавра на Марсовом поле был уже переполнен, но народ продолжал прибывать, толкаясь, локтями прокладывая себе дорогу в проходах и широких коридорах, которые отводились для черни.

Бои в этот день ожидались знаменательные: Клавдий Цезарь³, страстный любитель состязаний, не поскупился на расходы, желая подарить римлянам лучшее сражение гладиаторов, какое только видели до сих пор.

---

¹ От основания Города (*лат.*), то есть Рима. Официальная дата его основания — 21 апреля 753 года до н. э. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Kalendae* (*лат.*) — первый день месяца в Древнем Риме.

³ Клавдий Цезарь — римский император, четвёртый правитель Рима после Октавиана Августа, Тиберия и Калигулы.

Натянутые над трибунами широкие полотнища защищали публику от палящего июньского солнца. В центре арены возвышался искусно воссозданный островок тропического леса, откуда победителям предстояло выгонять диких зверей. Островок находился в центре цирка — огромного и широкого песчаного овала, ожидавшего триумфального шествия победителей и крови побеждённых.

Тит Сервилий оживлённо указывал своему другу Аврелию на разные сценические приспособления, с нетерпением предвкушая захватывающее зрелище. Сенатор, напротив, смотрел на арену со смешанным чувством любопытства и отвращения: он не любил побоищ, как бы красиво их ни обставляли, но не мог пренебречь общественным долгом, который вынуждал его занять предназначенное ему место на трибуне.

Аврелий старался не поддаваться мрачной притягательности этих подмостков смерти. Взгляд его, блуждавший по толпе, остановился на императорской ложе, где Клавдий, уже немолодой, в роскошной алой тоге, заключал пари на огромные суммы с самыми льстивыми из придворных.

Рядом с ним под парчовым балдахином восседала говорливая красавица с царственной осанкой — императрица Валерия Мессалина⁴.

---

⁴ Валерия Мессалина — горячо любимая жена императора Клавдия и мать его детей Октавии и Британика, которую он казнил во исполнение закона об измене Цезарю и покушении на власть, когда после многочисленных случаев нарушения супружеской верности она возглавила заговор с целью передать трон своему любовнику Силию.

Из-за затылков придворных Аврелию удалось рассмотреть лишь каскад чёрных как смоль волос и краешек точёного, словно у восточной куклы, профиля.

— Идут! Идут! — Тит Сервилий неожиданно подтолкнул его, указывая на ограду, из-за которой под крики и овации толпы появились гладиаторы.

Мимо почётной ложи прошествовала первая группа воинов в леопардовых шкурах, за ними проследовали фракийцы с небольшими круглыми щитами, служившими единственной преградой смерти, а затем прошли, ослепляя блеском доспехов и играя мускулами, обильно смазанными маслом, гладиаторы в шлемах, украшенных изображением рыбы.

При виде такого немыслимого множества крепких мужских тел некоторые матроны с трудом сдерживали восхищённые возгласы — нежные обещания тем, кто избежит ножниц парок⁵, одержав победу.

— А вот и Хелидоний, герой арены! — воскликнул Сервилий. — Вон там, среди ретиариев⁶. Смотри, да он чуть не на две головы выше остальных!

Публий Аврелий бросил рассеянный взгляд на гору плоти, возвышавшуюся на арене.

---

⁵ Парки — три богини судьбы у древних римлян: первая прядёт нить человеческой жизни, вторая тянет её, а третья обрезает.

⁶ Ретиарии — гладиаторы, вооружённые сетями и трезубцами.

«Хелидоний от греческого слова “ласточка”, — подумал он. — Трудно представить более нелепое прозвище для человека, чьё предназначение — убивать...»

Крики толпы отвлекли его внимание. На арену вышли три могучих борца с распущенными по плечам светлыми волосами. Сенатор невольно заинтересовался одной странной деталью и присмотрелся внимательнее.

Атлетические тела, прикрытые короткими туниками, выглядели несколько необычно — мускулы на груди казались чересчур округлыми и походили... на женскую грудь. Нет, нет, он не ошибся... Эти крепкие британские гладиаторы — женщины! Несомненно, женщины!

В этот момент самая высокая из них подняла голову, чтобы взглянуть на божественного Цезаря, и в обрамлении всклокоченных светлых волос появилось молодое лицо с круглыми злыми глазками.

«Поистине краше не бывает!» — с иронией подумал Аврелий.

Наконец овации улеглись, и толпа притихла. Участники боёв выстроились на поле, гладиаторы обратили оружие в сторону императорской ложи, и над ареной могучим ураганом пронёсся единый возглас, вырвавшийся из их глоток:

— Великий Цезарь! *Morituri te salutant!* — Идущие на смерть приветствуют тебя!

— Посмотри хотя бы, как будет сражаться Хелидоний! — умоляюще попросил Сервилий своего старого друга.

— Послушай, Тит, мне скучно, — возразил Аврелий. — Часами смотреть на одно и то же зрелище: смерть. И потом, от запаха крови меня тошнит! — поморщился он, вставая и намереваясь уйти.

Сервилий не знал, что сказать. Запах и в самом деле ощущался даже здесь, на самых высоких ступенях, его не могли заглушить ни рожки с ладаном, ни палочки с амброй, которые чувствительные матроны подносили к носу.

— Подожди, сначала сразятся британки, а потом выйдет победитель, лучший из лучших. Клавдий Цезарь может обидеться, если уйдёшь именно теперь. Ты же прекрасно знаешь, сколько денег он потратил на организацию этих боёв! — пытался убедить друга Тит.

Смирившись, Аврелий неохотно опустился на своё место.

Идущие на смерть приветствуют тебя! Но кто заставляет этих безумцев идти на смерть? Многие, даже не будучи рабами, неоднократно возобновляли договор с цирком, чтобы иметь возможность ежедневно рисковать жизнью в обмен на мешок денег.

Для них это ремесло, не хуже и не лучше другого, но сенатору было жаль несчастных животных, которые не выбирали для себя такую судьбу — смерть на арене... А ведь не прошло ещё и половины времени, отведённого для гладиаторских боёв, с огорчением подумал он и порадовался короткому перерыву для лёгкого завтрака.

Пока рабы разносили прохладительные напитки, Аврелий рассматривал матрон в изысканных, едва прикрывающих наготу одеждах, — зрелище куда более приятное для глаз и определённо более предпочтительное для него, чем битвы на арене.

— Аврелий, дорогой! — приветствовала его известная куртизанка. — Почему не заходишь больше ко мне?

— Обязательно загляну, Цинтия, — солгал патриций, полагавший, что услуги гетеры не соответствуют их чрезмерной стоимости.

— Благородный Стаций, говорят, ты не любишь гладиаторские бои, — обратился к нему сенатор, сидевший рядом. — Однако я удивляюсь: возможно ли, чтобы такому человеку, как ты, был совершенно чужд дух соревнования. Большой палец всегда кверху, — продолжал он, с неодобрением покачивая головой. — Будь твоя воля, так всех помиловал бы!

«Это уже слишком, — подумал Аврелий. — Мало того что я вынужден тратить своё время, выполняя общественный долг, — сидеть тут и страдать от этого отвратительного запаха крови, — оказывается, я ещё должен ликовать и восторгаться!»

— Слышишь — звучат горны! — привлёк его внимание Сервилий. — Сейчас начнётся самое замечательное!

Разговоры умолкли, сменившись приветственными криками, все взоры обратились к арене. На какой-то миг среди мелькающих

суетливых лиц Аврелий поймал надменный и загадочный взгляд красавицы Мессалины. Патриций ответил ей поклоном и лёгкой улыбкой...

«Будь спокойна, божественная Августа, я никому не выдам твоих секретов!» — с сарказмом подумал он.

— Вот как! Теперь, значит, одерживаем победы в верхах римского общества! Если об этом узнает Помпония... — проговорил Тит Сервилий.

Аврелий насторожился. Помпония, жена его друга, самая осведомлённая сплетница в городе, ни в коем случае не должна знать, будто что-то, пусть даже мимолётное, промелькнуло между ним и лишённой всяческих предрассудков императорской Венерой, главной героиней римских пересудов. Поэтому он попытался побыстрее переключить внимание друга, заговорив о бое.

— Смотри, они поставили британских амазонок против эфиопов! — заметил он, указывая на чёрные фигуры африканцев, которые ярко контрастировали со светлокожими северянками.

— Да, весьма живописно! — оценил Тит.

Сражение началось. Одна из мужеподобных женщин неожиданно отступила, и рубящий удар рассёк ей горло. Вторая тоже вскоре рухнула в пыль, получив удар мечом. Оставалась третья и всего двое противников, ещё стоявшие на ногах, потому что одного амазонка уже сразила и тут же решительно бросилась на гладиатора послабее, завязав с ним дерзкую схватку, а другой поспешил на помощь товарищу.

Всё решилось в одно мгновение: вонзив меч в тело противника, огромная британка тут же извлекла его и кинулась к оставшемуся в живых эфиопу. Несчастный африканец, увидев, как несётся на него эта эриния⁷, недолго думая бросил в пыль свой короткий меч и, преследуемый чудовищной женщиной, со всех ног пустился наутёк.

— Ардуина, Ардуина! — Публика взорвалась аплодисментами и, опустив большой палец, потребовала для труса справедливого наказания. — Перережь ему глотку! — вопила толпа. — Перережь ему глотку!

Победительница не заставила себя упрашивать дважды.

Рабы-могильщики в одеждах Харона⁸ спешно уносили трупы и разравнивали песок, стирая оставленные павшими следы, когда единый, восторженный вопль возвестил появление Хелидония.

Гладиатор, потрясая трезубцем, с победным видом вышел на арену, а несчастный, которому предстояло сразиться с ним, уже ожидал его, опустив голову, словно покорившись неизбежной судьбе: Хелидоний слыл непобедимым.

Ещё никто из его противников не покидал арену живым.

Борьба велась не на равных: что мог противопоставить прославленному победителю неизвестный гладиатор со своим жалким щитом?

---

⁷ Эринии — в греческой мифологии богини мести.

⁸ Харон — в античной мифологии проводник душ умерших в царство мёртвых.

В один миг бедняга оказался опутанным сетью, и грозный Хелидоний устремился к нему.

Поверженный в пыль, его противник видел лишь, как приближаются к нему измазанные в песке и крови сандалии, грозные острия трезубца блестят на солнце, которое он видит последний раз в своей жизни. Поняв, что это конец, несчастный смирился и закрыл глаза. Оглушительный вопль толпы означал его неизбежную смерть.

Он подождал несколько мгновений, показавшихся ему бесконечными. Но ничего не случилось... И он с удивлением признал, что ещё жив... Очевидно, всё почему-то произошло не так, как он ожидал.

Он приоткрыл глаза и увидел прямо перед собой подошвы сандалий гладиатора. Не веря своим глазам, он приподнял голову... Хелидоний лежал на песке с трезубцем в руке.

Он был мёртв.